

1973

6

7

4

МРТУ 19 № 183--65

5

3

студия диафильм

08—3—057

Л. ПАНТЕЛЕЕВ

Зелёные берёты

Художник Г. Сояшников

Эта история произошла сорок лет назад. Автор диафильма Л. Пантелеев не был тогда ещё писателем, он был беспризорником, юным правонарушителем и в 1921 г. попал в детский дом имени Достоевского. О жизни этого детдома он и его товарищ Г. Белых написали большую книгу „Республика Шкид“ (так называли воспитанники свой детдом).

В диафильме писатель расскажет вам, ребята, ещё один случай из жизни шкидцев.

В то лето Шнида почему-то не поехала на дачу. Озверелые от жары шнидцы слонялись без всякого дела по спальням и классам.

И вдруг – что такое? Гром? Нет, это не гром. Но за окнами что-то гроыхает. По улице под барабанную дробь шли человек тридцать мальчиков и девочек с красными галстуками.

Любоваться этим зрелищем молча шкидцы не могли. Не успел барабан приблизиться к нашим окнам, как кто-то из старшеклассников оглушительно свистнул.

Белые рубахи продолжали свой мерный шаг. Только маленький барабанщик, оглушённый разбойничьим свистом, испуганно взглянул на наши окна. – „Эй, ты! Отставной козы барабанщик! – заготовали шкидцы. – Гляди, бубен свой потеряешь!“

7

В эту минуту мы услышали у себя за спиной гневный окрик: „Это что за безобразие?! А ну – вон с подоконников!“ – В дверях класса стоял наш заведующий Виктор Николаевич Сорокин (сокращённо Винниксор). – „Виктор Николаевич! Посмотрите! Бойскауты идут!“

В

— Это не скауты. Это юные пионеры. — Для многих из нас это было новое, неслыханное слово. Винниксор объяснил нам, что оно значит. И нам самим страшно захотелось повязаться красными галстуками и пройти по петроградским улицам.

И вот за ужином Нолька Цыган попросил слова: „Виктор Николаевич, а нельзя ли у нас тоже организовать отряд юных пионеров?“– „Нет, ребята. Школа у нас, как вы знаете, полутюремного типа. Мы не имеем права основать у себя пионерскую организацию“.

– „Понятно, – протянул Японец. – Рылом не вышли“. – „Еонин, имеешь замечание в „Летописи“, – сказал Винниксор. – „Так я же не про вас. Это не вы, это мы рылом не вышли“. – Но объяснения Японца не помогли, и замечание в „Летопись“ ему вклеили.

Не могу сказать, чтобы после этого мы стали лучше относиться к пионерам. Однажды в Екатерингофском парке мы один на один встретились с этим отрядом.

В разгар встречи показался пионерский вожак. – „Что тут происходит?!“ – „Настя, мы не виноваты! Это приютские на нас напали“. – „Что-о-о? Какие ещё „приютские“? Вы где – при капитализме живёте?!“

– А ну, ребята, – повернулся он к нам, – отсекните! – Мы почему-то сразу поняли его и беспрекословно послушались.

Нам грозил крупный разговор с Викниксором. Но разговор этот не состоялся. Зато состоялся другой... Тайственное совещание шкидцев. И в результате возникла подпольная организация Юных коммунаров.

Организация наша была хорошо законспирирована. Каждый, кто вступал в неё, давал клятву молчать и не выдавать товарищей.

Несколько раз в неделю собирались юнкомовцы в развалинах старого флигеля. В подпольных кружках мы изучали историю партии и комсомола. Начали даже политическую экономию. Лекции читал самый начитанный из нас – Жорна Японец.

Теперь мы не завидовали пионерам. Когда их отряд проходил мимо, мы поглядывали на них снисходительно. „Топайте, топайте, братишечки, — думали мы. — У вас это игра, забава, а у нас...“

А пионеры нас не забывали. Когда однажды вечером Янкель, Купец, Пантелеев и Мамочка, получив разрешение дежурного воспитателя, отправились в кино, они неожиданно столкнулись с пионерами.

– „Мы к вам“. – „Мерси! Бонжур! Сильвупле!“ – Янкель галантно раскланялся и шаркнул босой ногой. – „Бросьте трепаться, – сказала пионерка. – Мы пришли по делу“.

— Слушайте! Мы хотим помочь вам организовать пионерскую организацию. — Что мы могли ответить этой девчонке? Что мы — малолетние преступники, воры, бродяги и не имеем права состоять в пионерах?

И тут вперёд выступил Мамочка. – „Спасибо, цыпочка! – пропищал он, игриво подмигивая пионерке своим единственным глазом. – У нас уже есть...” – „Что у вас есть?” – „Что надо, то и есть”. – „Пионерская организация?” – „Ага, – пролепетал Мамочка. – Вроде”.

Мы оттащили Мамочку за угол. Купец грозно откашлялся. – „Ну, Мамочка, – сказал он, – имеешь“.

Мамочку должен был судить „подпольный партийный суд“. И именно в этот день наша организация самым глупым образом провалилась. Дворник Мефтахуддын, обходя поздно вечером школьную территорию, заметил в развалинах флигеля огоньки и привёл Викниксора.

Мы ждали расправы. Но расправы не последовало. Тщательно обдумав этот вопрос и обсудив его на педагогическом совете, Винниксор разрешил нашей организации легальное существование.

И вот наш Юнком из тёмного под-
полья вышел на солнечный свет. Мы по-
лучили помещение. У нас появилась своя
газета. Был избран Центральный коми-
тет. Открылась юнкомовская читальня.
Единственное, чего у нас не было, это
формы. Но Викниксору удалось раздо-
бить для нас в губернском отделе на-
родного образования 17 пар брюн и
столько же зелёных бархатных беретов.
Беретов было мало, и Викниксор решил,
что право носить их получают лучшие из
лучших — члены Юнкома.

Да, это была большая честь. Но ходить по улицам в этих гамлетовских головных уборах было настоящей пыткой. Особенно, если учесть, что ситцевые брюки оказались самых фантастических расцветок.

Не все эту пытку выдерживали... В один субботний вечер Янкель, Японец и Пантелеев шли по улице. Несколько обогнав их, шёл Мамочка. Как назло, берет ему попался очень большой, и Мамочка был похож в нём на поганку.

Вдруг Янкель остановился: „ Ребята, постойте, а где же Мамочка?“ – Только что Мамочка был, и его не стало. Среди бела дня человек растворился, провалился сквозь землю, превратился в невидимку.

Мамочка появился так же внезапно, как и исчез. Но куда делся берет? Куда он, малодушный, закинул эту священную принадлежность формы? – „Тэн-с!“ – „Хорош гусь!“ – „Ах ты, ренегат паршивый!“

Юнномовцы кинулись за своим слабохарактерным товарищем, но он вскочил на трамвайную „колбасу“ и был таков.

– „Судить!“ – воскликнул Янкель. – „Исключить!“ – изрёк Японец. Во всяком случае в понедельник Мамочку ожидали малоприятные вещи.

Но в понедельник Мамочка в Шкиде не появился. Не вернулся он и во вторник. А в среду после обеда Винниксору позвонили из милиции и сообщили, что его воспитанник Фёдоров находится на излечении в хирургическом отделении городской больницы.

Взяв с собой двух старшеклассников, Винниксор сразу же поехал в больницу. Мамочка лежал без сознания. У его постели сидел и что-то писал в блокноте сотрудник милиции. От него мы узнали, как было дело.

Держа путь на Малую Подъяческую, где жил его старший, семейный брат, Мамочка проходил через рынок. В этот день брат обещал повести его в цирк, и Мамочка очень спешил.

И тут Мамочка увидел такое... Три здоровых подвыпивших лавочника обступили большой решетчатый ларь. В ларе сидел мальчик в пионерском галстуке. Мамочка в этом пацане без труда узнал одного из тех, кто приходил в Шкиду брать над нами шефство.

С диким пьяным хохотом лавочники тыкали в ящик палками и рас-
трёпанной дворницкой метлой. – „Отрекайся! – кричали они. – Говори:
я – индюк, красные сопли...”

– „Что вы делаете, черти?“ – кинулся к ним Мамочна. – „А это ещё что за козявна?“ – Один из них протянул руку, чтобы схватить Мамочку за шиворот.

Но Мамочка был не из таких. Он успел больно укусить лавочника за руку, отскочил в сторону и изо всех сил лягнул своего противника босой пяткой в живот.

В больницу Мамочку привезли почти без пульса. И в течение суток врачи не знали, выживет он или нет.

Никаких документов при Мамочке не оказалось. Только на третий день агент угрозыска, изучая Мамочкину одежду, обнаружил в кармане его штанов зелёный бархатный берет, а в подкладке этого берета – удостоверение.

...Спасибо докторам и сиделкам больницы. Они выходили Мамочку, спасли ему жизнь. Мамочка вернулся в Шниду. И вот он опять сидит на своём обычном месте – на „Намчатке“.

За распахнутыми окнами – солнечный осенний день. Идёт урок древней истории. Винниксор расхаживает по классу и повествует о немернущих подвигах спартанских воинов.

И вдруг — что такое? Гром? Нет, это не гром. Это снова стучит барабан. — „Виктор Николаевич, можно?“ — „Можно“.

Мы кинулись к окнам. По улице шли пионеры. Это был тот же отряд, но теперь пионеров в нём было гораздо больше.

На этот раз мы стояли тихо. Пионеры поравнялись с нашими окнами. И вдруг они, как по команде, повернули головы в нашу сторону и три раза громко и дружно прокричали: „Ур-ра! Ур-ра! Ур-ра!“

Ошеломлённые, мы застыли на своих подоконниках. И тут Ян-нелъ сказал: „Мамочка, дитя моё, а знаешь – эти овации относятся к твоей особе“.

Мамочка покраснел. И вдруг он узнал в барабанщике того самого паренька с Покровского рынка. Мамочка почувствовал, что должен как-то откликнуться на приветствие.

И, свесившись вниз, он крикнул писклявым, хриплым, не окрепшим после болезни голосом: „Эй ты, голоногий, бубен потеряешь!..“

После кое-кто уверял, что наш Мамочка – дурак. Нет, дураком он, пожалуй, не был. Просто он был настоящий шнидец, не умел нежничать и не нашёл никакого другого способа выразить свои чувства.

Конец

Редактор В. Нузнецова
Художественный редактор А. Морозов

Студия „Диафильм“, 1964 г.
Москва, Центр, Старосадский пер., д. № 7
Д-291-64

